

**Н**еобходим какой-то следующий шаг. Какой? Глупо задавать себе подобные вопросы, когда только что решил: живу как живу. Может, я еще не научился так жить. Но уверен, в этой простой формуле куда больше мудрости, чем в целом своде философских трактатов.

Вчера был день рождения матери, а вспомнил я об этом только сегодня. У меня все так — назавтра. Назавтра после свадьбы я понял, что зря затеял всю эту ерунду с женитьбой, что жену свою нисколько не люблю и впереди ожидает меня ад семейных отношений без радости и вообще без каких-либо чувств. Я написал заявление об увольнении, а назавтра понял, что совершил очередную глупость. Было бы куда идти, другое дело...

Замечательный Маркес написал как-то: «И снова был декабрь, наставший точно в свое время». Иногда неотвратимость происходящего удручает до отчаяния.

Вообще-то я про слонов.

Вчера они съезжали на согнутых задних ногах по огромным

песчаным барханам, напоминающим зыбучие горы. Я только не понял, где это было — в Аравийской пустыне или в песках Сахары? И, кроме того: зачем слоны в пустыне? Как они там оказались? Это не верблюды, слонам выжить в раскаленных песках куда труднее.

Площадь Советов считается центром города. Советов как органа власти давно уже нет, а площадь по-прежнему носит их имя. Можно, конечно, переименовать ее в площадь Законодательного собрания, но кто даст гарантию, что завтра власть вновь не поменяет свое название? Как бы там ни было, здесь находится здание администрации края, самый большой в городе памятник Ленину, фонтан, здесь проходят всякие торжества и старты массовых забегов. А еще здесь растут лиственницы и елки. Когда гуляешь под их кронами, пахнет настоящим лесом. Можно закрыть глаза и представить, будто ты и вправду в лесу. Вот сейчас поднимешь веки — и увидишь под елкой гриб. Моя бывшая жена (на этот раз я женился по любви, хотя и безо всякой свадьбы) всегда говорила, что у меня к природе потребительское отношение. Это правда: лес я люблю, но мне обязательно надо прийти оттуда с добычей, пусть это будут грибы, ягоды, листья брусники, смородины или какой другой травы для заварки. Еще я приносил из лесу мох и укладывал его на зиму между оконных рам. Стекла меньше замерзали, потому что мох впитывал в себя влагу. В детстве каждое лето я проводил в деревне, тогда в огородах еще не научились выращивать малину, клубнику и смородину. Всю ягоду мы собирали на лесных полянах, в далеких урманах и забоках. И аромат у той ягоды был — не сравнить с нынешней садовой.

Воспоминания о далеких годах уводят меня от площади в глубь улочек, которые и сегодня напоминают деревню — покосившиеся домишки, бани, огороды, дымы над трубами. Совсем рядом центр большого города, оглядываюсь — и вижу государственный флаг над зданием администрации, в просветы между елями и лиственницами пролетающие по проспекту автомобили, фонтан и пустующую клумбу, на которой весной зацветают тюльпаны. Опять захотелось закрыть глаза, чтобы воскресить в памяти ту далекую ночь раннего лета, когда тюльпаны еще стояли в цвету и мы встречали рассвет вместе с ними. Школа,

выпускной бал, вся в тюльпанах площадь Советов, Лида, первая моя любовь. Она, как сказала наша классная дама Ирина Юрьевна, едва вылезла на «тройки», но Лиду это обстоятельство нисколько не смущало. Она, взрослая не по годам и необыкновенно красивая, свысока смотрела на своих одноклассниц-отличниц, носила украшения, что в школе было строго запрещено, и крутила роман (по-взрослому!) с известным в городе футболистом и предводителем городской шпаны Саней Французом. Я был для нее школьным покровителем, допущенным до роли провожатого после школы и напарника по походам в кино во время уроков. Лида жила в частном секторе, где, по мнению горожан из центра, обосновались одни бандиты. Я провожал ее до мостика через речку Пивоварку, дальше она следовала одна. Иногда мою одноклассницу принимал с рук на руки Француз, и они продолжали путь до Лидино дома вместе. Саня был щеголеват и страшен лицом, в котором все было непропорционально, неправильно, — наверное, потому и Француз. Позднее я увидел в кино артиста Бельмондо, он здорово походил на нашего Француза. Ко мне Саня всерьез не относился, потому, очевидно, даже в мыслях не держал отлупить меня. Зато я, благодаря тайному и неистребимому желанию отбить Лиду, записался в секцию бокса и стал драться, часто и, в основном, безо всякой надобности. Каждый противник, получавший в челюсть, был для меня Саней Французом.

Я медленно брел по улице, где по проекту почти пятидесятилетней давности должен был проходить Обской бульвар. Теперь понятно, что никакого бульвара здесь не будет. Одно дело очистить улицу от деревянных убогих избенок, совсем другое — избавиться от солидных особняков жилой площадью в 500-600 квадратных метров, которые все больше вытесняют утлых старожил. Как бы там ни было, судьба Обского бульвара в назначенном когда-то месте решена. Мне хорошо известно, что примерно через километр улица упрется в железнодорожные пути, какие-то строения непонятного назначения, в заборы из бетонных плит, и потому я сворачиваю в переулок и иду по нему, чтобы выбраться на улицу Промышленную. Цели у меня нет никакой, однако конечный пункт известен — крутой берег Оби, вернее, затона, который горожане, сколько помню, называли Ковшом.

Когда-то там был пляж, а нынче затон обмелел, место задичало, крутые спуски к воде заросли травяной дурниной, при всей своей густоте не способной скрыть мусор, в изобилии стаскиваемый сюда из окрестного жилья.

На моем пути хлебоприемный пункт и элеватор. Когда-то зерно по пневмопроводу принимали «с воды»: баржи подходили к причалу и вставляли под разгрузку. Сейчас зерно привозят на элеватор грузовиками, по осени, после уборки они выстраиваются в очередь на весовой, некоторые водители, бывает, ночуют прямо здесь, не выходя из кабин. Территория вокруг обильно посыпана зерном, которое привлекает целые тучи голубей. Близлежащие крыши облеплены этой прожорливой птицей и ее пометом.

Вот и берег. Я не был здесь несколько лет, но за это время мало что изменилось. Та же трава, только высохшая, отчего кучи мусора без стеснения попирают всю береговую полосу, весь обрыв до самой воды. Да и воды совсем чуть, прибрежный песок насел на нее, выдавил из затона в основное русло. Осталась пара отделенных друг от друга тем же песком блюдца, затянутых первым льдом.

На противоположном берегу два мужичка потрепанного вида предпринимают бесполезные попытки заняться рыбалкой. Ступить на лед нельзя, он слишком тонок, и они пытаются длинной коряжиной пробить его. Думаю, велико голодное отчаяние, заставившее их пуститься в столь глупую авантюру. Закинуть удочки им не удастся — это очевидно, к тому же рыбы здесь, по всей вероятности, быть не может, она же не дура оставаться в этих промерзающих насквозь остатках затона. Скорее всего, давно ушла в реку.

Солнце играет в зеркале льда, но, несмотря на его безмятежное царение на чистом небе, все вокруг пронизано какой-то безысходной грустью — пожухлая трава, кучи мусора, баржа, заснувшая на дальней отмели, посунувшиеся окнами к земле домишки и даже возвышающаяся над ними пятиэтажка, сложенная из силикатного кирпича. В этом доме до недавнего времени жила Лида...

После школы мы несколько раз встречались. Однажды я даже остался ночевать у нее, там еще, в деревянном строении на берегу Пивоварки. Родители куда-то уехали. У нас ничего не было, сам

до сих пор не могу понять — почему. Я, помню, говорил, что мы обязательно поженимся, и она не возражала. Договорились встретиться на завтра, но дома мне устроили скандал из-за того, что не пришел ночевать и не предупредил. Родители ушли, прихватив мои ключи, и заперли квартиру. Телефона ни у меня, ни у Лиды не было. Прошел уже год после выпускного, я работал, но дурацкие строгости в отношении меня, младшего ребенка, наша семья сохраняла. Потом были несколько командировок одна за другой, срочный отпуск по горячей путевке... А по возвращении из отпуска я узнал, что Лида вышла замуж за музыканта из модного коллектива.

Нынче мне уже за сорок, но никак не получается разделить прошедшие годы на «до» и «после». Это же так просто, это есть почти у каждого — до какого-то знакового события и после него. Женитьба, рождение ребенка, постройка дома, наконец, смерть близкого человека... Все это у меня было, но все отчего-то вытянулось в цепь равнозначных звеньев, не вызывая особых эмоций по тому или иному поводу.

У моей тетки по матери — звали ее Елизаветой — в старом буфете кустарного изготовления стояли семь слоников из белого мрамора. Это были не просто семь слоников, а семья — от мала до велика. Потом уже, когда я получил первые знания, мне стало известно, что эта семерка символизирует семейное счастье и домашний уют. Их в семье тоже было семеро: бабушка, дед, тетка с мужем и их дети — две дочери и сын. Я потихоньку доставал слоников из буфета, гладил их прохладные бока и спины, затем переставлял местами — заметят, нет? Когда я приходил к бабушке в следующий раз, слоники непременно стояли, как им и положено, по росту. Забавно, никто ни разу не сделал мне замечание. Первым из семьи ушел сын, погиб на войне в мирное время, где-то под Каиром. Тогда исчез один из слоников, третий с краю. Потом умер дед, вскоре за ним муж Елизаветы — пропали первый и третий слоники от начала строя. Вслед за бабушкой ушел второй... Я давно уже понял, что к чему с этими слониками, только не мог взять в толк, для чего тетка это делает? Ведь остаток от семерки — каким бы он ни был — уже не может принести в дом ни счастья, ни достатка, ни уюта. А спросить так и не решился.

Когда хоронили Елизавету, слоников в бунте не было. Ни одного. Я попросил сестер поискать, может, отыщется хотя бы один, мне на память. Они сказали, что понятия не имеют, о чем речь.

Я долго смотрел на дальний берег, ощетинившийся голыми ветлами, на застывшие вдалеке порталные краны, на игру солнца во льду, затянувшем Ковш... Уходил я по улице Гоголя, на которую торцом выходит Лидин дом. Другой конец этого дома упирается в улицу Короленко, вот такой квартал — в одну пятиэтажку. Меня удивил размах строительства в этом еще совсем недавно богом забытом углу. Кое-где сохранились старые деревянные домики, но их безудержно теснят двух-, трехэтажные особняки, построенные или только строящиеся. Материал первоклассный, современный, архитектура — если не изысканная, то, по крайней мере, причудливая. «Есть у людей деньги!» — подумал я. Кстати, на мой взгляд, если и стоит кому завидовать — так это тем, кто живет в доме на земле. Так сложилась жизнь многих моих сограждан: сначала побежали из усадеб в городские многоэтажные трущобы, потом — обратно. Качество, конечно, другое, но смысл прежний.

Большой двухэтажный дом, сложенный из кругляка и обшитый деревянной плашкой в елочку, раньше занимали какие-то конторы, связанные с речным хозяйством. Сейчас на двери амбарный замок, который не несет никаких функций, кроме декоративной. Окна повыбиты, кое-где вместо стекол листы древоплиты, другие зияют черными провалами. Скорее всего, дом уберут, а на его месте возведут новый особняк. И не важно, в каком состоянии старая постройка, она старая — и этим все сказано. Снесут. А нет — однажды загорится, как многие подобные дома в нашем городе. Не так давно мне пришлось побывать в нескольких городах неподалеку от Москвы. И в каждом почти видел старые деревянные постройки, на которых жильцы их вывешивали огромные транспаранты: «Люди! Нас хотят поджечь! Знайте! Сами мы не загоримся!»

С некоторым трепетом обхожу двухэтажку, и вот — неожиданность, дома, где я снимал комнату на протяжении почти десяти лет, как не бывало, чистая площадка, даже мусора после сноса не осталось. Строго говоря, это был не дом, а какой-то склад, при-

способленный под жилье. Внутри разумные хозяева все устроили лучшим образом — вода, канализация, ванна с газовой колонкой. Хозяйка, рано оставшаяся без мужа с маленькой дочерью, занимала большую комнату, площадью метров в тридцать, а крохотную клетушку сдавала мне. Старый шифоньер, стол и солдатская койка — больше ничего нельзя было поместить в моем жилье. Окно сидело почти на земле, и я, когда кто-то приходил в гости, первым делом видел ноги. Вы хотите меня пожалеть? Не стоит, более счастливого времени у меня в жизни не было!

Впрочем, давно и всем уже ясно: счастье — это когда молодой.

А потом... Потом были всякие поездки, другие города и веси. Другие женщины. По сию пору я мотаюсь по белу свету, не имея постоянного угла. Это совсем не означает, что у меня его никогда не было. Был. Но я слишком рано начал бегать с места на место, вот и привык. И иначе не получается.

Мои славные одноклассники почти каждый год собираются у кого-нибудь на квартире. Инициаторы этих сборов, как правило, девчонки, парни всегда у нас были ни рыба ни мясо: поведут — пойдут. Интересно сидеть за столом и разглядывать их, моих одноклассниц. Эта была влюблена в меня, эта нравилась мне, с этой мы жили в одном дворе и наши родители работали вместе.

— Чем тебе не невеста? — вопрошал отец. В иные времена он с ее отцом частенько после работы заходил в пивную. — Серьезная, умная.

Наташка, так зовут одноклассницу, и вправду была серьезная и умная. Даже, как мне казалось, красивая. Но, как говорится, Наташа, да не наша.

Лида не приходила на эти встречи ни разу, но всезнающие мои одноклассницы рассказывали про нее. Одной из первых в классе вышла замуж (это я и без них знал), родила сына (так, значит, с семейной жизнью у нее все в порядке), окончила наш политех (оп-па, неожиданность, вот и двоечница!).

Интересно наблюдать за своими одноклассниками вот так, раз в году, а то и в два года. Сначала они взрослеют, потом толстеют, потом начинают стариться. И только тебе ничего не делается. Это я так, в насмешку над собой. На самом-то деле, глядишь на них — будто в зеркало смотришься...

Декабрь без снега — редкость в наших краях, все вокруг стылое, безжизненное, лишенное красок. По бледно-голубому небу, прямо через зенит будто тропа проложена — расплывшийся, тающий инверсионный след. Самолет... И сразу же захотелось туда, на борт авиалайнера, полететь отсюда далеко и там начать свое новое приключение. Нельзя, невозможно жить на одном месте, покрываться мохом, как уставший лежать валун. Есть такая поговорка — на месте и камень обрастает. И что? И чем же это он обрастает? Все тем же мхом? Напридумывают! Чтобы оправдать свою приросшую к дивану задницу! Засиделся, ой, засиделся! Есть оправдание. Нынешняя жизнь подорожала, стоимость билетов, хоть на поезд, хоть на самолет, несоизмерима с заработками большинства соотечественников, моими в том числе. Никто, никому и нигде, дома ли, на чужбине, в дальних или ближних краях, не стал нужен (а был ли? — это другой вопрос). Да ерунда все эти оправдания! Возраст — одно объяснение, больше ничего.

В один из перерывов между перемещениями по стране я женился, на этот раз — по любви. Она была удивительным человеком, знавшим все про меня, ранешнего и потомошнего. Потом — это после нее, слишком рано оставившей меня вдовцом, а нашего мальчика — сиротой.

Когда у нас родился сын, я пообещал ей: как только перестанешь кормить его грудью, поедешь в любую страну, куда только пожелаешь. Она выбрала Индию, а я сдержал обещание, заработав необходимые деньги в бригаде отделочников. Я проводил ее в аэропорту и сказал, чтобы она обязательно отыскала там, в Индии, нашего слона и передала ему привет. Ну и все такое, угостила бы его чем-нибудь — что он теперь любит.

— А я его узнаю? — спросила она с самым серьезным видом.

— Конечно, — ответил я, — у него же на правом ухе большое пятно, что-то вроде родимого.

Через пару недель она вернулась, привезла гранатовое ожерелье из Агры, огромную машину для сына и фотографии: вот она среди развалов драгоценных камней, вот у бассейна перед Тадж-Махалом, а вот на спине у нашего слона.

— Это точно наш?

— Разумеется.



— Так вот же — правое ухо, и на нем нет никакого пятна.

— Ты, как всегда, все перепутал, пятно у него с другой стороны, на другом ухе. С этого места не видно. Я тебе больше скажу. У нашего слона есть подруга, они уже родили нескольких слонят, и, как меня заверили те, кто присматривает за ними, эти слонята тоже наши.

Я вышел из оцепенения и понял, что уже довольно долго стою посреди своего бывшего двора, на том самом месте, где когда-то вращало в землю мое окошко. Здесь же, в глубине двора, такой же двухэтажный дом, как тот, что выходит на улицу, заколоченный. Только этот жилой и не обшитый. Стоит, чернеет старыми бревнами, и кажется, будто бревна эти закалены ветрами и солнцем на века. Здесь раньше жила моя подруга Светка, с которой познакомила меня хозяйка во время одного из вечерних чаепитий. Светка и до меня, и потом забегала к хозяйке, приносила какие-нибудь печенюшки или конфеты и они гоняли чай, болтая о своих мужиках. Про таких, как Светка, говорят: свой парень. И правда, я даже представить не мог, чтобы у нас с ней закрутился роман или просто случилась постель от скуки. Но вот уж чего про «своего парня» не скажешь — она была сводней. Настоящей, удачливой, действующей наверняка.

— Давай тебя женим? — то и дело приставала она ко мне. — Хочешь, с квартирой, хочешь, с машиной, хочешь, богатую, то есть со всем вместе?

Я не хотел, но однажды все-таки позволил ей увести меня на смотрины. Девушку, как выяснилось, я знал, во всяком случае, видел много раз — мы учились в одной школе. Жила она в «дворянском гнезде» — местечко у нас в центре города, где в сороковые-пятидесятые годы получали жилье всякие начальники. Папа у нее был главным конструктором самого крупного завода, работающего на оборонку. Правда, ко времени моего «сватовства» он уже умер. Мама, настоящая жена начальника, какими их в кино показывают: санистая, строгая с седыми буклями и допотопной шалью на плечах, — усадила меня за чай. Хозяйка задавала соответствующие случаю вопросы, девушка молчала. Она была красива и печальна, а меня вдруг взяла такая тоска — впору бы водки хватануть вместо чая, только ничего спиртного на столе не было.

Не допив свою чашку, я вдруг вспомнил, что мне надо собираться в командировку... Больше мы не виделись, а некоторое время спустя Светка сообщила, что девушка уехала в Америку и живет теперь аж в самом Сан-Франциско. В ее голосе сквозило: эх ты, лапоть, тоже мог бы жить в далекой и счастливой стране. Я тогда, точно не понимал, где обретается мое счастье, и с удовольствием куролесил, приводя в свою клетушку Светкиных подружек и других представительниц переменного состава.

Вот отсюда, с этого места, вернее, с того дня, когда я покинул его, можно было бы вести отсчет нового этапа в моей жизни, да как-то я всерьез не задумывался об этом. Думал о другом: где я окажусь завтра, и как заработать денег на билет до этого самого где?

Случилось смешное и чудное. Лежу я на кушетке с иглками во всех частях тела в лечебном учреждении, которое называется дневным стационаром психоневрологического диспансера. Нервы, стало быть, подлечиваю. С нервами у меня — тьфу, тьфу! — все в порядке, просто надоумили знающие люди. Надо прийти по такому-то адресу, пожаловаться, а там — завтрак, обед и ужин, до полудня процедуры, потом — хочешь, оставайся на ужин и ночлег, хочешь — иди на все четыре стороны. Я даже поначалу не поверил, что такое может быть. Сомневался, пока мне не показали мою койку в просторной палате. Целый месяц бесплатной красивой жизни! У меня как раз к тому времени не оказалось ни работы, ни жилья. Одно беспокоило — процедуры надо проходить в обязательном порядке, иначе гуляй до срока. Но те же знающие люди убедили, мол, все лекарства и уколы исключительно безвредны и, даже наоборот, можно здоровым принимать в целях профилактики. А иголки и массаж — это вообще чудо восточной медицины, будешь здоровый и вечный, как японец.

Так вот. Лежу я утыканный иглками и ногой этак тихонечко занавеску трогаю: кто там, за этой занавеской? А там — локоны платинового цвета, и больше ничего не разглядеть. Не станешь же внаглую раздвигать занавески! Получилось так, что сеанс иглорефлексотерапии у меня и обладательницы локонов закончился одновременно. Мы не могли не столкнуться нос

к носу, и... передо мной, точно картина, сотканная из прекрасного далека, стояла Лида.

!!!

А потом привиделся сон. Короткий и яркий. Явью это быть никак не могло, потому что, не знаю, как она, я потерял ощущение времени, пространства, собственного тела, земли под ногами. Оставаясь в небытии, я сомнамбулой перемещался вслед за ней и, честное слово, не мог вспомнить потом и уж, точно, не вспомню никогда — говорили мы в те минуты о чем-то или нет.

Трое суток мы не выходили из ее квартиры в этом самом пятиэтажном доме, который сейчас от меня в каких-нибудь пятидесяти шагах. Мы с трудом отдирали себя друг от друга, чтобы попить или проглотить что-то из еды. Потом обозначились слова. Мы говорили об ушедших годах и потерях, понесенных из-за предательства самих себя.

Я узнал, что Лида давно разошлась со своим музыкантом, сын занялся бизнесом и прогорел. Теперь вот предстоит продавать эту квартиру, чтобы рассчитаться с его долгами. Где жить? Очевидно, придется снимать жилье... Вот такие невеселые дела, и потому она оказалась в психушке.

Продолжение истории? А никакого продолжения и не случилось. Как-то разом все остыло и превратилось в золу. Или слишком ярко и горячо вспыхнуло, или еще что... Придумать можно кучу объяснений, и, наверно, многие из них будут похожи на правду, только я не хочу этого делать. Что поразило больше всего — удивительный холод и зияющая пустота, вошедшие в меня так скоро. Всего-то несколько дней! Годы и годы прошли, и я все это время был убежден, что люблю ее.

После наших прогулов Лиду восстановили в правах пациентки, а меня выставили за дверь, пообещав, что впредь даже на порог не пустят. Тут мы и расстались — у дверей моего такого недолгого рая.

Я никогда не задумывался, из чего делают сувенирных слоников. У тетки, как известно, они были мраморные, другие, очевидно, — из слоновой кости, реже — из бивней мамонта. Наверно, эти, из мамонта, самые дорогие. Мамонтов давно уже нет на Земле, а их останки усердно выкапывают из-под толщи

грунта любознательные человеки. Однако, побывав недавно в старинном сибирском городе Тобольске, я с удивлением узнал: поскольку мамонтовых бивней и слонов не хватает, чтобы обеспечить потребность в слониках, их теперь делают из коровьих костей. Мне даже как-то дурновато стало. Да еще этот запах пыльных останков...

Коровы, да. Знал я коллекционера коровьих колокольчиков. Звали его Нагель, а познакомил меня с ним некий Кнут Гамсун. Правильно, писатель, Нагель же — всего лишь литературный герой. Ну и что, в последнее время мне многие из живых и живущих кажутся менее живыми, чем те, кто не жил никогда, — не-всамделишные.

А слоников, позднее я узнал об этом, делают еще из нефрита, оникса и даже из лазурита, кроме того — из фарфора, глины, пластмассы...

Небо менялось прямо на глазах. Сначала появились легкие облачка-дымки, затем барашки, которые начали тучнеть и сбиваться в кучи. Постепенно весь небосвод затянуло ровной сероватой пеленой, и через некоторое время я ощутил покалывание на щеках. Первые уколы так запоздавшего нынче снега.

С Лидой мы теперь часто встречаемся на улице, неподалеку от моей квартиры, она сняла жилье где-то поблизости. Каждый раз жалуется, как трудно ей нынче жить. И с каждым днем все труднее. Я слушаю ее и не слышу, редко человек, стоящий рядом, бывает так далек.

Я дома. Вернее, в жилище, где нынче мой дом. Передо мной тарелочка с нарезанным сыром и бутылка вина с черным слонем на этикетке. Вино так и называется — «Элефант». Сижу, прокручиваю в голове историю и словно вижу кино, как слуги короля Португалии Жуана III, Благочестивого под руководством оберкамер-гоф-лакея готовят к отправке слона Соломона. Дар короля эрцгерцогу Максимилиану, будущему императору Священной Римской империи. Хорошее кино — историческое, костюмное.

Следующий шаг... В каком направлении? С какой целью? Когда и зачем? Надо ответить на эти вопросы, чтобы не остаться в неведении, как это уже бывало со мной неоднократно. Например, я ведь так и не сумел понять, сколько же отпущено челове-

ку любви? Сколько раз он может полюбить — по-настоящему, во всю силу своей души и тела, сознания и чувств? И как долго это может продлиться? Боюсь, что я умышленно прячу сам себя от ответа.

Иногда настигает мысль, что мне давно уже не оставлено никакого выбора.

Хотя... Может, надо заработать денег, чтобы хватило добраться до моих слонов, которых теперь уже, наверно, расплодилось целое стадо.